

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

ВОЕНТОРГ
МИНИСТЕРСТВО НАЖИВЫ

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 14

Художник С. Яковлев

Казанцев К.
К 14 Военторг. Министерство наживы / Кирилл Казанцев. — М. : Эксмо, 2013. — 320 с. — (Антикор Кирилла Казанцева).

ISBN 978-5-699-64743-9

Сторожевой корабль «Бесстрашный» выходит в море после капитального ремонта, попадает в шторм и буквально разваливается на части. Команда спешно перебирается на спасательные плоты и ждет помощи. Но спастись морякам не удастся: появившийся вертолет береговой охраны безжалостно расстреливает их. В живых остается только старпом Медведкин... Руководитель тайной антикоррупционной организации генерал Дугин приказывает своему лучшему агенту Ларину разобраться в этой истории. Ларин отправляется в госпиталь с намерением допросить Медведкина и узнает, что старпом внезапно скончался...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-64743-9

© Казанцев К., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Глава 1

Порывистый ветер хлестко трепал Андреевский стяг за кормой СКР «Бесстрашный» — сторожевого корабля. Воды Желтого моря сделались свинцово-серыми от надвинувшихся на небосвод туч. Горизонт размыло. Огромные валы один за другим накатывали на российский военный корабль, нос то исчезал в брызгах, то вновь поднимался над волнами.

Тихий океан, он только по названию «тихий». На самом деле количество штормов здесь выше, чем в любом другом водном пространстве земного шара. По справедливости, его следовало бы назвать океаном бурь, но почему-то такое название носит только безводный океан на Луне.

Командир сторожевика всматривался в буйство стихии через стекло рубки. Отсюда — сверху, открывалась величественная панорама бушующей океанической воды. Тяжелые дождевые капли шрапнелью ударили в остекление, смазав пейзаж. Тут же задвигались широкозахватные щетки стеклоочистителей, сгоняя ручьи ливневой воды.

Кирилл Казанцев

— Погодка, однако, — пробурчал командир, кавторанг Порозов.

— Чего уж тут на природу пенять? — невесело улыбнулся старпом Николай Медведкин. — Предсказанная погодка... Другой и не ждали.

— Когда хочется, чтобы синоптики ошиблись, они не ошибаются.

Настил качелями ходил под ногами, но и командир, и его помощник были привычны к подобному, стояли, даже не придерживаясь за поручни. Как любил говаривать кавторанг Порозов: «Поручни на корабле только для больных и раненых».

Вроде бы особых опасений шторм вызывать не должен был — восемь баллов. Ведь СКР «Бесстрашный» только вышел из планового ремонта. А для корабля — это серьезная процедура, считай, не хуже заново построенного. И все же напряжение не сходило с лиц опытных морских волков, какими являлись и командир, и его старший помощник. Чтобы противостоять шторму, если не удалось вовремя обойти его или укрыться, надо удерживать корабль носом к волнам — это основная задача. Вроде бы просто, но только на словах. Каждый удар водяной стихии норовит повернуть корабль, раскачивает его. Вовремя не сориентируешься, и вот уже очередной вал грозит ударить в борт — перевернуть корабль.

— Силовая выдержит? — прислушался старпом к работе дизелей в то время, как очередной вал прокатился по палубе.

Двигатели взревели, набирая обороты, а потом вновь застучали под нагрузкой, это означало, что корму на несколько секунд задрало так высоко, что винты выскочили из воды.

— Должна, — проговорил командир. — Капиталку прошли.

Старпом покачал головой.

— Капиталка капиталке — рознь.

Валы с рваными, вспененными ветром верхушками катились один за другим, равномерно обрушиваясь на корабль, прокатывались по палубе.

В моторном отсеке грохотали мощные дизели. Снаружи бушевала стихия, обшивку вздрагивала от этих могучих ударов. Старший моторист не спускал глаз с приборов. Главное для работы двигателей — выдерживать температуру и поддерживать давление масла. С первым было все в порядке. Водяные помпы исправно прокачивали забортную воду, пропуская ее через охлаждающую рубашку, и сливали обратно в море. А вот давление масла «прыгало». К тому же без всякой на то причины, хотя масляный насос работал исправно. Моторист даже заподозрил, что дело не в самом давлении, а в неисправном датчике.

Кирилл Казанцев

— Этого еще не хватало, — проговорил он и даже постучал по стеклу, за которым дергалась стрелка.

Внезапно стрелка двинулась влево. Что-то засипело совсем рядом. Старший моторист оглянулся и выругался. Из соединения маслопровода тонкой, толщиной со спичку, тугой струей гнало масло.

— Трах-тарарах, прокладка накрылась...

Моторист попытался подтянуть штуцер на сочленении ключом, но от этого толщина струйки лишь увеличилась. Помощник моториста уже был рядом.

— Собирай, что вытекает, — приказал ему старший моторист.

Горячее масло звонко било в дно и стенки ведра, обжигало руки. Думать о том, чтобы заглушить один двигатель в такую погоду и поменять прокладку, не приходилось. Живучесть корабля сейчас в первую очередь зависела от работы силовой установки. Старший моторист уже доливал масло из бака в горловину. В принципе, собирая вылившееся и заливая его вновь в систему, можно было продержаться достаточно долго.хлопотно, конечно, но что поделаешь? Кто сказал, что шторм удастся пережить легко?

Командир, глядя с мостика, заметил, как волны меняют направление. Теперь они уже катились с северо-востока. Он отдал приказ менять курс, чтобы встретить их носовой частью. Над-

рывно застучали дизели, затем в машинном отделении раздался скрежет.

— Что там у вас? — понеслось по переговорке.

— Левый дизель встал, товарищ командир, — послышалось в ответ. — Причины выясняем.

Сил у корабля поубавилось наполовину. Теперь он уже не мог, как прежде, упорно противостоять волнам. Его нос выворачивал слишком слабо, не успевая за переменной погодой. Валы налетали уже под углом, косо били в борт, не давая кораблю занять выгодное положение. Они, наоборот, разворачивали его.

Высокий вал обрушился на «Бесстрашного». Бортовая обшивка вздрогнула. Несколько заклепок вырвало с «мясом». В образовавшуюся между разошедшимися листами щель тут же хлынула вода. Струи разлетались веером. Вода плескалась под ногами у мотористов. Дежурная смена моряков уже спешила на помощь. Включили помпы, но они не успевали откачивать прибывающую воду.

При такой погоде «латку» снаружи не подведешь, поэтому приходилось пытаться законопатить, прижать щиты к течи распорками. Стучали топоры, кувалды. Деревянные распорки упирались в стойки, переборку, шпангоут.

Единственный исправный дизель работал на пределе своих возможностей. Командир надеялся выровнять корабль, подставить волнам

нос. Рулевой выкручивал штурвал, поворачивая за кормой плавник руля. И тут под кормовым настилом оглушительно хрустнуло. Штурвал заворачивался без всякого сопротивления.

— Тягу руля оборвало, товарищ командир.

Это было самое страшное, что мог услышать кавторанг Порозов. Быстро поломку не устранишь. Не зря же с древних времен известна поговорка: «Без руля и без ветрил». И вот теперь «Бесстрашный», условно говоря, оказался наполовину «без ветрил» и полностью «без руля». Корабль стал практически неуправляемым. И это в восьмибалльный шторм!

Командир сомневался недолго. Ему пришлось принять решение, которое до последнего оттягивает каждый капитан. Связались с Владивостоком, запросили помощь. Обещали прислать ближайшее спасательное судно: время подхода — два с половиной часа. А потом в эфир полетел сигнал «SOS».

Экипаж проявлял чудеса самоотверженности, боролся за живучесть родного корабля. Удары волн выбивали распорки. Вода вновь и вновь лилась из расходящейся все шире пробоины. Но опять стучали топоры с кувалдами. Тарахтели мотопомпы. В ход шло все, что годилось для того, чтобы заткнуть пробоину.

Прошли обещанные для подхода помощи два с половиной часа, но спасательный корабль так и не появился на горизонте. Если бы «Бес-

страшный» имел возможность маневрировать, его, возможно, и удалось бы спасти. Но теперь буря сама выбирала, куда нанести следующий удар. Корабль дал крен. Волны перекатывались через палубу.

Старпом Медведкин посмотрел на командира.

— Я сам знаю, что пора, — негромко произнес кавторанг.

Он понимал, что «Бесстрашный» обречен. Почему так произошло? На этот вопрос потом ответит компетентная комиссия, спокойно и обстоятельно изучив дело. Она и даст оценку, было ли сделано все возможное для спасения «Бесстрашного». Теперь командиру предстояло побеспокоиться о спасении людей.

Даже в этой критической обстановке экипаж сработал слаженно. На воду спустили спасательные плотики. Но это только так говорится — спустили. Волны стремились унести их, украсть у моряков последнюю надежду на спасение. Концы, соединяющие их с обреченным кораблем, то натягивались, как струна, то падали в воду. Перебравшиеся в плотики моряки рисковали оказаться в бушующей воде.

Как и положено, последним борт корабля покинул командир. Он сделал все, что мог. До последнего организовывал борьбу за живучесть «Бесстрашного», а когда стало ясно, что корабль уже не спасти, грамотно организовал эвакуацию

личного состава и сам покинул борт вместе с корабельными документами. Все моряки до единого оказались на спасательных плотках.

Кавторанг сам перерезал конец, соединяющий плот с кораблем. Ветер тут же подхватил спасательное плавсредство, завертел его. Волны вознесли плотик и бросили его вниз. Моряки на других плотиках старались держаться поближе друг к другу.

Порозов каждый раз, когда его плот поднимало на гребень высокой волны, старался рассмотреть среди бушующей стихии «Бесстрашного». Сторожевой корабль пока еще держался на плаву, хоть и дал уже большой крен... Плот вознесло еще раз. «Бесстрашный» оказался перевернут килем вверх. Потом Порозов увидел криво уходящую в волны корму сторожевика, на фоне белого пенистого гребня четко прочитывались замершие винты. Ну а на следующий раз его взгляду предстало только пустынное море. Горечь потери скрашивало лишь осознание того, что он сумел спасти своих подчиненных. Во всяком случае, пока спас. Ведь обещанная помощь из Владивостока так и не появилась. В чем дело, он не знал. Во время последнего сеанса связи ему сообщили, что «подход спасательного судна задерживается из-за погодных условий». И командир сторожевика искренне беспокоился, а не случилось ли чего и со спасателями? Шторм-то серьезный.

Плоты разносило друг от друга все дальше и дальше. И без того сумрачное небо темнело, приближался вечер. Вести поиски плотов с моряками ночью не будут, это бессмысленно. А к утру волны и ветер могли отнести моряков с «Бесстрашного» на сотню миль. Оставалось надеяться, что какое-нибудь судно, где приняли сигнал «SOS», уже спешит на помощь, вот только непогода не дает ему подойти.

И вот, когда промокшие, продрогшие люди уже начали терять надежду на скорое спасение, готовились провести ночь в открытом бушующем море, вдалеке, пока еще плохо видный из-за струй дождя, показался вертолет береговой авиации. Он шел уверенно. Летел низко — над самой водой...

— Ура! Наши прилетели! — раздались радостные крики.

В небо взмыли сигнальные ракеты...

— А ты говорил, что Родина о нас забыла, — сказал с усмешкой старпом старшему мотористу.

— Мало ли чего в сердцах не скажешь! Ведь столько ждали.

Вертолет прошел над самым плотом, обдав его тугим воздушным потоком, и ушел на разворот.

— Заметил, заметил!

Терпящие бедствие уже не обращали внимания на бушующее море, не чувствовали хо-

лода. Все кошмары сегодняшнего неудачного дня должны были для них закончиться в самое ближайшее время.

* * *

Район московского речного порта — место оживленное, а значит, в представлении асоциальных элементов и денег тут настрелять можно без особых усилий. На крыльце универсама, неподалеку от банкомата, стоял мужчина, возраст которого определить было сложно. Ему можно было дать и сорок, и тридцать лет. Потемневшее от регулярного и неумеренного употребления спиртного лицо густо укрывала щетина, которой, как минимум, неделю не касалась бритва. Классическим бомжом мужчина не являлся, так как у него имелась квартира, которую он делил с сестрой.

Мужчина жадно смотрел на то, как не старый еще человек с офицерской флотской выправкой терпеливо дожидался, пока банкомат отрещит ему солидную пачку денег.

— Эй, мужик, — не выдержал он и окликнул обладателя пластиковой карточки прежде, чем тот успел засунуть наличные в портмоне. — Подкинь на пузырь, подыхаю.

Немолодой человек на секунду задумался, затем вытащил десятку, сыпанул немного мелочи.

— Держи. А то твои похороны значительно дороже обойдутся, — не слишком удачно пошутил он.

— Это что? — уставился на помятую купюру и монетки алкаш.

— Деньги. Ты ж просил.

— Какие ж это деньги? Так, мусор. Издеваешься? Дай хоть пятьсот рублей. У тебя их вон сколько.

— С какой стати?

— Тебе что, жалко?

— Да, жалко. Работать надо, — немолодой человек вошел в магазин.

— Вот жмотина!

За этой сценкой со стороны с кривой улыбкой наблюдал еще один пожилой мужчина. Хорошо одетый, чисто выбритый, подстриженный, в старательно отутюженных брюках и начищенных ботинках. Правда, лицо у него было сильно помятое с похмелья и глаза красные. Но с кем не бывает?

— Эй, Синяяморда, — насмешливо произнес он именно так, в одно слово, кличку побирушки. — Сколько я тебя учил, что «стрелять» на пузырь надо с умом?

— Здорово, Петрович, — алкаш с надеждой посмотрел на знакомого отставника и ничуть не смутился неуважительному обращению. — Деньги у тебя есть?